

СОЦИУМ

В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВЫ: СУДЬБА ЛЕВОЙ ИДЕИ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ¹

¹ А.А.Галкин (руководитель проекта), О.И.Величко, И.В.Данилевич, И.Л.Кирилкина, С.А.Леванский, Р.Ф.Матвеев, М.Е.Орлова, И.С.Яжборовская.

В рамках Института социологии РАН под руководством профессора А.А.Галкина реализуется проект, связанный с анализом современной политической мысли и, соответственно, ее либеральной, консервативной и левой составляющих. В основу данной публикации легли фрагменты докладов на «круглом столе», проведенном в апреле 2006 г. и посвященном левой идее, поискам выхода из ее очевидного кризиса и попыткам ее приверженцев сформулировать ответы на радикально меняющиеся мировые реалии.

А.А.Галкин

В общественном сознании не только у нас, но и во всем мире нарастает ощущение, что радикально-либеральная модель развития, утвердившаяся в практической политике в 70–90-е годы, стала все очевиднее давать сбои. Это проявляется на самых различных уровнях – от планетарного до странового и местного, что сказывается не в последнюю очередь на отношении растущей части мирового сообщества к реализуемой ныне модели глобализации.

Для понимания причин такого отношения крайне важно представить себе примерный реестр ее положительных и негативных последствий.

Каковы же положительные последствия глобализации?

Произошло большее, чем прежде, приобщение значительной части человечества к достижениям современной цивилизации. Возникли лучшие условия для преодоления национальной и этнической замкнутости. Значительно расширились возможности получения всесторонней информации. Стимулирование международного разделения труда обеспечило его более высокую производительность и способствовало снижению себестоимости производимой продукции. Повысился уровень жизни у той части населения, которая оказалась включенной в сферу функционирования транснациональных монополий или государств, получивших особые выгоды от процесса глобализации.

Вместе с тем стали все очевиднее проявляться негативные последствия глобализации.

Возросла зависимость национальных экономических систем от международных финансовых спекуляций. Усилился кризис местного производства и местной системы торговли, вызвавший распад традици-

онных социальных структур, с которыми связаны судьбы сотен миллионов людей. Ускорилося разложение привычного для сотен миллионов людей уклада жизни. Под влиянием глобальной поп-культуры началось разрушение ряда крупных культурно-цивилизационных ареалов. Со всей определенностью вырисовалась тенденция к снижению качества социальной жизни ниже сложившегося среднего уровня.

На протяжении истекших десятилетий структура человеческого сообщества неизменно усложнялась. Известно, однако, что чем сложнее система, тем уязвимее ее стабильность и тем эффективнее должны быть скрепы, гарантирующие ее существование. Однако усложнение системы человеческого общежития происходило однобоко. Поэтому, чтобы разрушить указанную систему, сейчас требуются не столь мощные усилия, чем это было в прошлом.

Одно из последствий нынешней глобализации – обострение противоречия между возросшей степенью взаимозависимости элементов миропорядка и воздействием на него дестабилизирующих факторов. Взаимозависимость интенсивно подпитывается глобализационными процессами, а дестабилизация – углублением разрыва в условиях существования экономически развитых и отстающих государств. Необходимое реструктурирование межгосударственных отношений, способное если не устранить, то, по крайней мере, смягчить это противоречие, по сути дела, не осуществляется. Более того, лидирующие государства «золотого миллиарда», прежде всего США, в основном уповают на силовое давление как на фактор, обеспечения международного порядка. В ответ другие страны стремятся найти более эффективные средства противодействия силовому давлению. В результате воспроизводится база для распространения не поддающихся контролю средств массового уничтожения. Дестабилизация мирового порядка наглядно проявляется в падении роли и эффективности существующих международных институтов и сложившегося международного права.

Это, в свою очередь, существенно увеличивает вероятность перерастания межгосударственных и даже внутригосударственных конфликтов в силовые столкновения, тающие угрозу мировой катастрофы. Одним из мощных сигналов, свидетельствующих о нарастающей опасности, следует считать наблюдающийся последние годы всплеск международного терроризма.

Перед лицом вопиющего неравенства стран и народов, трудно всерьез говорить о наличии сколько-нибудь действенных упорядочивающих начал на международной арене. Склонность влиятельных держав к применению в мировой политике силовых методов заставляет многих людей задаваться вопросом, можно ли вообще в этой ситуации достичь устойчивого миропорядка.

В свое время бытовало представление, что модернизация обществ, происходящая под влиянием глобализации, стимулируя экономическое развитие, приведет к росту благосостояния, что, в свою очередь, если не ликвидирует существующую социальную напряженность,

то, по крайней мере, сведет ее к минимуму. Однако это представление не нашло подтверждения на практике.

Экономическая ситуация в странах «золотого миллиарда» характеризуется ныне возросшей неустойчивостью мирохозяйственных процессов, негативно сказывающейся на экономическом положении стран региона, ослаблением конкурентоспособности значительной части продукции, производимой в государствах с дорогой рабочей силой, обострением проблемы занятости; настойчивыми попытками правящих кругов демонтировать социальную инфраструктуру, сложившуюся в результате двух столетий упорной политической и экономической борьбы.

Еще тяжелей последствия глобализации и постиндустриализации для стран, отставших в экономическом развитии. Мирохозяйственные процессы принесли им не только цивилизационные блага, но и весьма ощутимые потери. Под воздействием конкуренции товаров, поступающих с мирового рынка, разрушаются прежние формы землепользования и традиционное производство. Урбанизация оборачивается массовым бегством нищих крестьян в большие города, образующие нагромождения трущоб. Местные элиты, переняв образ жизни и формы потребления правящих классов на Западе, углубляют ров, отделяющий их от основной массы сограждан.

На условиях существования населения крайне негативно сказывается непомерная задолженность стран этой части мира транснациональным корпорациям и международным институтам. Широко рекламируемое спорадическое списание части задолженности, адресованное отдельным бедствующим государствам, не вносит сколько-нибудь серьезных изменений в общую ситуацию.

Негативные процессы не обошли и те в прошлом отстававшие страны, которые продемонстрировали в последние годы высокие темпы развития и, как казалось, имеют шансы выйти на современный экономический, социальный и политический уровень. Весьма показательна в этом смысле ситуация, сложившаяся в большинстве государств Латинской Америки. Воздействие некоторых глобализационных факторов, смягчающих негативные процессы в развивающихся странах, не снимает основное социальное противоречие между обездоленными гражданами и горсткой местных олигархов. В ряде случаев это противоречие даже обострилось.

Как видим, глобализация и связанные с нею постиндустриальные сдвиги в тех формах, в каких они осуществляются под эгидой «золотого миллиарда», не дают решения социальных проблем и, следовательно, не стимулируют минимально необходимой стабильности ни в развитых, ни в развивающихся странах, ни в мировом сообществе. И дело не только в объеме нищеты, бедности и других социальных бедствий. Дело прежде всего в том, что отношения между людьми, общественными группами, национально-государственными общностями не становятся

более справедливыми. В этом состоит главная причина роста социального отчуждения и неприязни.

Негативное воздействие на общественное сознание оказывает и явление, именуемое «новым национальным вопросом». В его основе лежат существенно возросшие масштабы иммиграции в регион «золотого миллиарда» выходцев из стран, отставших в экономическом и социокультурном развитии. Рост такой иммиграции наблюдался и раньше. Однако особо заметной она стала во второй половине XX века. До поры, до времени государства, принимавшие иммигрантов, более или менее справлялись с их потоком, либо ассимилируя вновь прибывших, либо осуществляя эффективный контроль над ними. В последние годы ситуация приобрела новое качество. Во многих странах возникли обширные анклавные территории, в которых вновь прибывшие составляют большинство населения. И, что самое главное, новые иммигранты уже не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру.

Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население. В странах, принимающих иммигрантов, стали складываться новые национальные меньшинства, четко осознающие свою этническую специфику, свои интересы и возможности их отстаивать, используя политические и иные методы, утвердившиеся в ареале нового проживания. Возросла также острота конкуренции между коренным населением и иммигрантами в сфере мелкого производства, в торговле и, особенно, на суживающихся рынках наемного труда. Все это порождает эксцессы, реализуемые в крайне опасных формах.

В результате становятся все более настороженными отношения коренных граждан к «чужакам». Иногда настороженность перерастает в нетерпимость, о чем свидетельствует усиление позиций праворадикальных, шовинистических партий, уже вошедших в ряде европейских стран в состав правительственных коалиций. К этой тенденции начинают подстраиваться и другие партии, пытающиеся таким образом удерживать избирателей в сфере своего влияния.

Серьезному давлению подвергаются устои демократического правопорядка. И дело здесь не только в том, что современные технологии открывают властям новые, до сих пор невиданные возможности воздействия на общественное сознание и на политические предпочтения граждан, хотя это уже само по себе очень важно. Не менее важно и другое. Исторически демократия сложилась в национально-государственных рамках. Размывание этих рамок, обусловленное глобализацией, сделало актуальной возможность перехода центров принятия властных решений с национального на наднациональный уровень. Однако органов демократического контроля над этими центрами не существует, и об их создании в обозримом будущем говорить не приходится. В результате возникает жизненно важная сфера, закрытая для демократических механизмов. Расчищается поле для эгоистических злоупотреб-

лений и неконтролируемых дестабилизирующих влияний. И это не абстрактное предположение, а констатация реальных процессов. Уже сейчас в политике анонимных, не привязанных к определенной территории мощных наднациональных центров власти все более очевидно берут верх не демократические, а авторитарные черты и намерения.

Классическая концепция демократии исходит из того, что народовластие базируется на общем интересе, разделяемом, по крайней мере, большинством граждан и позволяющим с помощью демократических институтов выявить их общую волю. Между тем реалии глобализирующегося мира подвергают эту посылку серьезным испытаниям на прочность. Новые технологии способствуют дроблению общества. Прежние формы социально-классовой и этнонациональной солидарности распадаются. Углубляется плюрализация позиций, интересов и взглядов людей. Электронные средства коммуникации создают особые формы прямого межперсонального общения, минуя посредничество социальных и политических образований.

Соответственно, ослабляется общественный контроль над действиями и решениями политических элит.

В России описанные проблемы обладают своей конкретно-исторической спецификой. Истоки и последствия происходящих перемен здесь во многом иные, нежели на Западе. В современном российском обществе они являются не столько следствием постиндустриальных тенденций, сколько результатом системного кризиса, повлекшего за собой разрушение сложившихся ранее социальных идентификаций и солидарностей. Россия выпала из числа государств, олицетворяющих высшие рубежи экономического развития современного мира. К новому тысячелетию она пришла с разрушенной финансовой системой, с отсталой структурой производства, во многом неконкурентоспособного на мировых рынках, опутанной внешними долгами. И от всего этого она до сих пор полностью не оправилась.

Вместе с тем, наряду со своеобразием, России свойственны также порожденные глобализацией социально-экономические противоречия, характерные для других районов мира. Более того, оказавшись в промежуточном положении между развитыми государствами и странами отстающего и догоняющего развития, она стала плацдармом, на котором переплелись наиболее острые противоречия, свойственные и тем, и другим.

С особой силой в этом направлении действуют социальные последствия экономических экспериментов, начавшихся в 1992 г.: ухудшение условий существования основной массы населения, беспрецедентный рост неравенства в доходах и обвал социальной сферы, худо-бедно, но защищавшей граждан от материальных бедствий и лишений. На социальном самочувствии населения продолжает негативно сказываться ущерб, нанесенный системе бесплатного здравоохранения и всеобщего образования, а также существовавшим ранее формам межличностного общения.

Резкое ухудшение условий существования породило моральную деградацию. Криминализация, обозначившаяся еще в последние годы советской власти, приобрела всеобщий характер, заразив все слои социума – от правящей элиты до социальных низов общества. Преступность в ее самых крайних формах вышла за пределы, обеспечивающие самохранение системы.

Эволюция общественного сознания в России определяется ныне несколькими тенденциями, остро противостоящими друг другу. Среди них, безусловно, есть та, которая способствует адаптации населения к изменившимся условиям существования. Однако она характерна для его сравнительно небольшой части, выигравшей от происходящих перемен или сумевшей как-то приспособиться к ним. Вместе с тем главный вектор изменений в системе общественных представлений направлен в другую сторону.

Основной установкой, характерной для подавляющей части общества, является ориентация на выживание. Она вовсе не идентична адаптации к сложившимся условиям и не содержит в себе элементов политического доверия к институтам власти, которые по-прежнему воспринимаются как нечто чуждое и враждебное. На этой основе происходит нарастание протестного потенциала, который реализуется в одних случаях в виде демонстративного отчуждения от политики, в других – тоски по прошлому, в третьих – как готовность поддержать установление «сильной власти», ассоциируемой с «сильным лидером». При этом все более заметный сдвиг в настроениях населения оказывается замешанным на ксенофобских предрассудках, питаемых, как и во многих странах Запада, массовым притоком иммигрантов из стран с более низким уровнем условий существования.

Специфическую форму сублимации социального недовольства образует все более заметная враждебность населения российской «глубинки» к столичным мегаполисам, и прежде всего к Москве. Почву, на которой произрастает эта враждебность, образуют, с одной стороны, все более заметный разрыв в условиях существования провинциального и столичного населения, а с другой – усиление унитарных настроений в федеральных структурах власти, нашедшее проявление в попытках урезать права и компетенции субъектов Федерации.

Отсюда возросший интерес к поискам альтернативной модели общественного развития, как на национальном, так и на наднациональном уровне.

Теоретически такая модель могла бы сложиться в рамках систем ценностей, расположенных либо правее, либо левее радикально-либеральных установок. Однако и там, и там возможность ее появления наталкивается на серьезные препоны.

Созданию альтернативной модели, основанной на консервативных ценностях, серьезно препятствует повсеместная адаптация консервативной мыслью основных радикал-либеральных постулатов. Выраженное на этой основе своеобразное содружество обеих некогда не-

примиримо враждебных идеологий привело к тому, что различия между ними в том, что касается вопросов конкретной политики, по крайней мере в развитых странах, свелись к мало значимым нюансам. За пределами этого симбиоза оказались лишь правые радикалы и крайние фундаменталисты, видящие альтернативу нынешнему состоянию в возрождении отжившего свой век прошлого, в том числе весьма давнего. В результате кризис радикал-либеральной модели стал вместе с тем и кризисом консервативного проекта развития. В свою очередь праворадикалистский и фундаменталистский подходы столь очевидно противоречат основным тенденциям современного развития, что не могут рассматриваться иначе, чем путь, который может завершиться лишь глубочайшими потрясениями и катастрофой.

С серьезными препятствиями на пути выработки альтернативной модели столкнулась и левая (левоцентристская) мысль. Немалую роль в этом сыграло то, что многие считавшиеся основополагающими левые ценности сформировались во второй половине XIX – начале XX веков. Когда-то они отвечали реалиям своего времени. Позитивное влияние этих ценностей на тогдашнее общественное развитие очевидно. Однако с тех пор ситуация в мире коренным образом изменилась. Соответственно, возникла потребность в серьезном переосмыслении левого идейного багажа, его содержательная инвентаризация, выработка новых подходов в том, что касается новых явлений. Трудности, с которыми столкнулась левая мысль, были существенно осложнены кризисом, а затем и крахом той общественной системы, которая на протяжении многих десятилетий воспринималась многими как воплощение левых ценностей на практике.

Одним из прямых последствий возникших трудностей стало утверждение на левом (левоцентристском) фланге представления, согласно которому ставка на *альтернативу* радикал-либеральному пути развития должна быть заменена ставкой на его *корректировку* в результате внесения некоторых элементов социальной ответственности и справедливости. Именно этот подход и был положен в основу политической практики ряда влиятельных партий, не без оснований относящих себя к левому или левоцентристскому лагерю.

Тем не менее поиски реальной альтернативы нынешней радикал-либеральной модели развития ведутся – и тем активнее, чем очевидней ее исчерпанность, неспособность дать убедительные ответы на новые проблемы. Сегодня этим поискам посвящают свои усилия не только одиночки, упорно плывущие против течения. Уже есть основания говорить о том, что разработка вариантов альтернативной модели общественного развития становится неотъемлемым элементом интеллектуального ландшафта многих стран современного мира, в том числе и России. Отсюда первостепенная задача собрать и инвентаризировать все то полезное и перспективное, что наработано в последние годы в данной области.

Начальным шагом на этом пути мог бы стать анализ поисков, которые ведутся сейчас на левом крыле идеологического континуума.

В первую очередь необходимо найти и суммировать варианты ответов, которые даются в этих кругах на наиболее острые вопросы современности: что представляют собой современные левая мысль и левые ценности, какие аспекты развития занимают их прежде всего; есть ли основания говорить о региональной дифференциации левых идей и ценностей; возможно ли вообще общественное развитие без альтернативы, какой должна быть она – системной или частной; в каком миропорядке нуждается современное человечество; как могла бы выглядеть альтернативная модель глобализации; какой должна быть оптимальная реакция человеческого сообщества на новые формы контакта различных цивилизаций и как избежать их перерастания в конфликтные отношения на национальном, региональном и глобальном уровнях; в чем состоят преимущества и недостатки сложившейся экономической модели, есть ли основания говорить об ее исчерпанности, и если да, то чем ее можно заменить; как сохранить уровень социальной защиты, сложившийся в развитых странах; каковы возможности и пределы равенства и равноправия в современных условиях; можно ли преодолеть кризис представительной демократии и как это сделать?

С.А.Леванский
ГЕРМАНИЯ

Хотя по признанию авторов теоретического журнала Социал-демократической партии Германии (СДПГ) «Нойе Гезельшафт – Франкфуртер Хефте» Берлинская программа принципов, принятая СДПГ в 1989 году, уже стала «макулатурой», социал-демократические теоретики по-прежнему пытаются разрабатывать долгосрочные программные ориентиры на основе традиционных ценностных установок. При этом акцентировка и толкование этих «основных ценностей» трансформируются таким образом, что принципиальное различие с ведущим конкурентом – блоком ХДС/ХСС продолжает уменьшаться.

То, что у нас нередко называют неолиберальной экономической политикой, применимо к сегодняшнему курсу правительства «большой коалиции» во главе с А. Меркель, и, соответственно, как к СДПГ, так и к ХДС/ХСС, с известными оговорками. Можно говорить лишь о вынужденном ограничении и перестройке системы социальных услуг, гарантированных государством, то есть, как принято называть в Германии, «социального государства». Этот курс подается лидерами СДПГ как единственно возможный.

Немецкое «социальное государство» рассматривается многими теоретиками СДПГ как пример «социального капитализма». Следует, однако, подчеркнуть, что существующее положение ни в коей мере не удовлетворяет ни членов, ни сторонников СДПГ. Проблемы, по сути дела, очевидны.

Как сохранить достигнутый уровень социальных услуг в условиях снижения налоговых поступлений в силу стагнации экономики и старе-

ния населения? Как не утратить относительно толерантных и уважительных отношений между людьми разной этнической принадлежности в условиях продолжающегося массового притока иммигрантов, которые испытывают гораздо меньше потребности интегрироваться в традиционную немецкую культуру? Как сочетать интересы немецкой экономики и немецкого населения с интересами стран, недавно вошедших в Европейский союз? Как обеспечить уровень образования, конкурентоспособный с американским, в то время как денег на такое образование требуется все больше, а возможности его финансирования уменьшаются? Как, наконец, справиться с проблемой безработицы, которую на протяжении ряда лет безуспешно пыталась решить «красно-зеленая» коалиция?

Складывающаяся в стране обстановка не может не порождать чаяний по крайней мере части немецких избирателей, желающих улучшить свое положение, но не приносить жертвы, особенно если они представляются несправедливыми. Примечательно, однако, что речь при этом идет не столько о качественных улучшениях, сколько о стремлении не потерять то, что уже есть.

Эти настроения не без результатов стремится уловить формирующаяся сейчас новая левая партия, основу которой составляют покинувшая ряды СДПГ группировка «Альтернатива избирателей: труд и социальная справедливость» и влиятельная в восточных землях Германии Партия демократического социализма (ПДС). В то же время и для нее выработка альтернативной стратегии очень затруднительна.

Программа принципов пока только разрабатывается. Учитывая разнородность состава новой партии: от ортодоксальных коммунистов до бывших социал-демократов, неотроцкистов и членов других течений левацкого толка, разработка долгосрочного проекта представляется трудно реализуемой. Тем не менее уже сейчас складывается широкая общая база для выдвижения конкретных инициатив, в том числе направленных на то, чтобы трудности адаптации страны к меняющимся условиям распределялись более справедливо.

Новая партия резко выступает против сокращения социальных расходов, против введения частичной платы за обучение в высшей школе, против второго платного образования, против повышения возраста ухода на пенсию. Для финансирования своих требований она предлагает увеличить налоги на богатых.

Формулируя альтернативную национальную политику, левая партия выступает как «против национального эгоизма», так и против «глобализации в интересах концернов». Она отвергает ограничение прав профсоюзов на участие в управлении экономикой, считая такое участие в нынешних условиях еще более актуальным, чем прежде. Партия выступает против дальнейшей приватизации экономики.

Таким образом, комплексной, детально разработанной долгосрочной альтернативной стратегии у новой левой партии ФРГ пока нет, но многие ее направления уже просматриваются. По мнению О.Лаффон-

тена (он является сопредседателем левой фракции в бундестаге и одним из сопредседателей комиссии по созданию новой партии), левые должны противостоять успешной идеологической экспансии неолиберализма.

Неолибералы сумели внедрить в массовое политическое сознание, в том числе и в левой среде, такие понятия, как глобализация, побочные издержки зарплат, флексибилизация (увеличение гибкости) рынка труда. Под лозунгами глобализации и адаптации рынка труда к новым условиям урезаются права национальных государств по защите интересов своих наемных работников в пользу гораздо более далеких от интересов и чаяний простых людей бюрократов из ЕС. СДПГ и зеленые стали соучастниками неолиберальной политики.

Новая левая партия, чтобы ее не постигла участь зеленых, должна проводить принципиальную оппозиционную политику.

Подлинно альтернативная политика предполагает, что левые силы должны выступать за усиление государственного регулирования экономики, отстаивать ее общественный сектор, добиваться остановки процесса приватизации, прежде всего в сфере муниципального жилья. Левым необходимо добиваться отстаивания и расширения прав наемных работников и их профсоюзов, повышения покупательной способности населения, сохранения и по возможности повышения нынешних социальных стандартов.

Очевидно, что провозглашение подобных принципов помогает ориентировать конкретные действия, но оно недостаточно для решения стратегических проблем.

По мнению председателя СДПГ Платцека, сторонники левой партии пытаются решить задачи будущего с помощью методов прошлого.

Пока, судя по всему, стройный, масштабный подлинно левый проект не вырисовывается. Это, однако, не означает невозможности выработки набора конкретных альтернативных предложений.

Основным действенным носителем левой идеи в Великобритании на протяжении многих десятилетий выступает Лейбористская партия. Но, несмотря на ряд политических успехов и декларируемый оптимизм, положение партии за последние пять лет значительно ухудшилось.

Формирование идейной платформы и политического имиджа лейбористов шло в направлении поиска путей взаимодополнения социал-демократических и либеральных принципов. Это было предвосхищено созданием в марте 1981 г. Социал-демократической партии. Угроза, которую нес лейбористам союз отколовшейся СДП с Либеральной партией, стала одной из существенных причин модернизации ЛПВ. Лейбористы отказались от программных положений, предусматривавших ренационализацию приватизированных консерваторами отраслей экономики, от восстановления традиционных привилегий профсоюзов и высоких ставок подоходного налога, стали благожелательно относиться к Социальной хартии Европейского Союза и дальнейшей европейс-

кой интеграции, выступили за принятие билля о правах и пропорциональной системы голосования.

Была переломлена тенденция резкого крена партии в сторону радикального левого крыла. В 1987–1992 гг. Лейбористская партия дистанцировалась от кейнсианства и этатизма. Лейбористы признали преимущества рыночной системы с принципиальной поправкой, констатирующей, что своими достижениями она обязана государству и обществу, которые нивелируют ее пороки и контролируют ее динамику.

С середины 90-х Великобритания вступила в эпоху нового идейно-политического цикла, который можно назвать либерально-социалистическим. Его сутью является концепция «третьего пути», а ее носителем – новые лейбористы. Он имеет пеструю идейную основу, включая концепции коммунитаризма, демократического, этического, либерального социализма, «новейших левых».

Идеология «третьего пути» опирается также на массив идей пост-марксизма в трактовке «новейших левых» или «евролейбористов», пересмотревших теоретические построения более раннего течения – неомарксистов. Странниками «третьего пути» были также восприняты идеи, сложившиеся в рамках доктрины демократического социализма, включая христианскую демократию.

Большой вклад в развитие концепции «третьего пути» внёс директор Лондонской школы экономики Энтони Гидденс. По его мнению, государство «всеобщего благосостояния» способствовало иждивенчеству. Поэтому его следует заменить «позитивным вэлферизмом», государством «социальных инвестиций». Вместо понятия классовой принадлежности Гидденс вводит термины «включённости» и «исключённости».

Идейной основой «третьего пути» в экономическом плане стала концепция «общества совладения». Дэвид Маркуэнд охарактеризовал «совладение» как экономику, в которой право собственности накладывает на собственника ряд обязательств перед обществом.

Политическую основу «третьего пути» составила стратегия и тактика действий «новых лейбористов» во главе с лидером партии и премьер-министром Тони Блэром. При нем на «больших идеях» был поставлен жирный крест.

Судя по всему, «новым лейбористам», несмотря на весь их прагматизм и нелюбовь к идейным доктринам, ближе всего концепция социального, или левого либерализма.

В центре предвыборных политических программ лейбористов в 1997, 2001 и 2005 гг. стояли вопросы улучшения образования и здравоохранения, а также увеличения затрат на социальные нужды. Кроме того, лейбористы намеревались принять меры для снижения преступности и безработицы. «Экономика – вот главный вопрос этих выборов», – заявлял Блэр.

Предвыборная программа консерваторов почти ничем не отличалась от программы Блэра. Они тоже предлагали провести аналогичные

изменения в сфере здравоохранения и образования, собирались понизить налоги и увеличить расходы на полицию. Программа ставшей третьей по количеству мест в парламенте Либерально-демократической партии также мало чем отличалась от названных выше.

Свою деятельность в качестве лидера Блэр начал с реформирования своей собственной партии, а затем занялся консолидацией наследия тэтчеризма. Отказавшись от воззрений старой социал-демократии, руководимые им «новые лейбористы» не сумели предложить сколько-нибудь убедительной идейной конструкции. Поэтому никому в голову не приходит всерьез говорить о «блэризме».

Впрочем, у британского премьера все же были две «большие идеи», на которые он делал долгосрочную ставку – модернизация сферы социального обслуживания и превращение Британии в европейского лидера. В рамках реализации этих идей было увеличено косвенное налогообложение, существенно возросли государственные инвестиции в систему здравоохранения и образование. Но сделано это было с опозданием на несколько лет из-за опасения распугать разношерстный электорат.

Программа, с которой лейбористы шли на выборы в 2005 году, звучала как провозглашение крестового похода против государственной и муниципальной собственности и общественного сектора. Имелось в виду, что маховик приватизации не только не будет остановлен, но и, напротив, наберет обороты. С молотка должны были быть пущены национальное здравоохранение и образование. При этом игнорировались предостережения о разрушительных последствиях такой политики.

То, что фигура Блэра стала неудобной для его собственной партии, в немалой степени связано с тем, что он олицетворяет политику «новых лейбористов» в вопросах социальной защиты, здравоохранения и образования, которую многие склонны считать провальной.

Перед выборами Блэр временно отказался от реализации своих планов, предусматривавших сокращение пенсий. Этот шаг послужил громом над головой, заглушив недовольство ростом безработицы, приватизацией, повышением местных налогов, постоянными попытками отменить компенсационные и больничные выплаты и т. д.

Ахиллесовой пятой «третьего пути» является попытка его адептов придать ему характер безальтернативности. Такое видение политического процесса предполагает, что только партия «третьего пути» является современной, а все остальные априори устарели. Другой вариант того же видения предполагает переход на платформу «третьего пути» нескольких партий. В этом случае между программами соответствующих партий не должно быть никакой существенной разницы. Не приходится сомневаться, что в Великобритании рано или поздно вновь появится сильная оппозиция. В этом случае «новым лейбористам» придется принимать решение о более четкой идейной идентификации. Тогда лейбористской партии придется, как и прежде, завоевывать имидж партии, отстаивающей принципы справедливости и просвещенного коллективного взаимодействия.

Р.Ф.Матвеев
ФРАНЦИЯ

Важно подчеркнуть, что анализ, оценка и прогноз поставленной проблемы требуют строгого научного подхода. Специфическая трудность здесь состоит в том, что до сих пор в дискуссии ведущее место занимают практические политики, руководители партий и различных общественных организаций и движений.

Конечно, все они претендуют на научный взгляд на ситуацию и пути ее решения, но многочисленные факты из практики, в том числе и недавней, опровергают эти претензии. Сложность проблемы объясняется преобладанием в политике субъективных, моральных, религиозных и иных ненаучных подходов.

Между тем политические, экономические, идеологические и все общественные процессы подчиняются некоторым объективным законам. Люди лишь на некоторое время могут воздействовать, тормозить или, наоборот, несколько ускорять действие объективных общественных законов. При этом нельзя забывать и о том, что менталитет населения и различных элит каждого общества является для политики фактором объективным. Игнорирование или преувеличение такого фактора всегда приводит к трагическим последствиям.

Решая проблему поиска альтернативы для левого движения на примере Франции, прежде всего необходимо по возможности точно установить, что допускает, а что не допускает существующая система. Вряд ли можно сомневаться в том, что французская общественная система с этой точки зрения существенно отличается от, скажем, латвийской или испанской.

Вместе с тем теперь уже очевиден факт многовариантности социально-экономического и политического развития современных стран. Об этом убедительно свидетельствует опыт даже тех государств, которые входят в Европейский союз. Собственно, деятельность правительств, политических партий и различных общественных сил заключается в выборе предпочитаемого варианта из ряда существующих. Важнейшая задача политики – делать выбор между объективно существующими и постоянно возникающими вариантами. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы по возможности достоверно выявить такие варианты, а также избегать выстраивания политики лишь на субъективных стремлениях и благородных идеях. Опыт последнего столетия говорит о том, что в современных обществах возможны два основных варианта эволюции – ориентации на технологический или социальный прогресс.

Технологическая ориентация опирается на рыночные отношения, закон прибыли, капиталистическую рентабельность, на всевластие частной собственности и ограниченную роль государства. Социальная политика в рамках такой ориентации служит лишь для обеспечения относительной стабильности общества. Размер «социальных благ» и качество этой политики зависят от количества национального богатства.

Социальная ориентация опирается также на рыночные отношения, но существенно ограниченные юридическими и экономическими

механизмами (налоги и т. п.). Ее главная цель – социальный прогресс, социальная рентабельность производства. Результаты такой политики также зависят от множества объективных и субъективных условий. Каждая из этих основных ориентаций имеет множество вариантов, которые подвижны во времени. Соотношения между их основными компонентами могут меняться. Послевоенный период Франции дает на этот счет многочисленные примеры. Игнорировать важность социальной области сегодня не представляется возможным. Неслучайно, например, конституции ряда европейских стран содержат положения о «социальном государстве».

Левые партии Франции – социалистическая (СП) и коммунистическая (ФКП) – в своих официальных документах высказываются в пользу политики социального прогресса, резко критикуя политику правительства и союзов предпринимателей страны, а также политику Европейского союза, МВФ, США, глобализацию в ее нынешнем виде.

В подходе к перспективе социального прогресса и демократии между двумя партиями имеются и существенные различия.

Во Франции на протяжении послевоенного периода были созданы такие социальные институты, как система социального обеспечения, представительства работников на предприятиях частного и государственного секторов и даже в советах директоров частных предприятий, весьма демократический трудовой кодекс 1982 г., система по разрешению трудовых конфликтов, законы о пособиях по временной нетрудоспособности, безработице и т. д. Государственные служащие, к которым во Франции относят и рабочих национализированных предприятий, пользуются значительными демократическими гарантиями на основе закона 1946 г., составленного коммунистами. Действует и земельный кодекс, который также был принят после войны левым большинством парламента.

Понятно, что в этих специфических условиях левая альтернатива обеих партий включает прежде всего защиту и расширение достигнутого, обязательство защищать французскую социальную модель.

И. В. Данилевич **ИСПАНИЯ**

На примере Испании хорошо просматривается, в частности, специфика поисков альтернативы в том сегменте левых сил, который занимают коммунисты.

Для каждой партии вступление в новый исторический период, коренным образом отличающийся от предыдущего, приносит изменения в ее размещении на новом политическом пространстве. Для КПИ период развития демократического государства и общества в условиях стабильности (последние четверть века) оказался по-настоящему трагическим.

Попытка обновить партию в соответствии с реальными национальными и интернациональными условиями, сохранить ее как единый, целостный организм потерпела крах. Историк Х. Санчес Родригес дела-

ет следующий вывод, с которым можно согласиться: «Политика консенсуса, ставшая осевой в деятельности КПИ... служила консолидации демократии, снижая уровень напряженности в отношениях между политическими силами. И она же приводила к потере политической перспективы, надежд, к внутреннему разладу» в КПИ. И далее: «Демократический путь был ориентирован на создание институциональной системы и свел на нет то, что коммунисты называли «политикой массовой борьбы». Этот путь, считает автор, «не обогащал стратегию и идеологию коммунистической партии, но в значительной степени опустошал их»².

Nuestra Bandera.
2004. N 200. Vol. 11.
p. 88–89.

Партия раскололась на несколько течений. Одно из них оформлялось в самостоятельную политическую общность, другое оставалось верным «славному прошлому» КПИ и пыталось сохранить единство ее рядов при отсутствии единых идеологических принципов и т. д.

Общим для всех коммунистов оказался принцип обязательного противостояния ИСРП (социалистам). Однако, если рассматривать активность КПИ несколько упрощенно и обобщенно, то можно заметить, что одной частью партии «политическая альтернатива» – «альтернатива ИСРП» рассматривалась как осуществление «красной линии» (классовой), другой – как осуществление «зеленой линии» (экосоциализм), третьей – «лиловой» (как возвращение к якобинскому республиканизму). На протяжении последних 25 лет (каждые 4–5 лет) линия КПИ определялась сложившимся большинством, которое выбирало нового, выражавшего его позиции генсека. Наличие этих трех основных линий отражалось и на противоречивом отношении коммунистов к Единой Европе. Коммунисты «красной линии» считали, что вступление Испании в ЕС ошибка, если не преступление, поскольку в ее институтах засели олигархи. Но, с другой стороны, они считали необходимым использовать пространства Единой Европы, чтобы создать левую, революционную европейскую партию, которая и возродит былую силу и славу движения. Испанские экоккоммунисты довольно успешно сотрудничали с европейскими экологическими партиями.

Несколько по-другому ставилась проблема «политической альтернативы» в низовых местных организациях. Здесь не столь важным оказывался «цвет» основной линии руководства КПИ. Исходными являлись две проблемы: перспективы развития самоуправления и возможная степень автономии (вплоть до отделения) национальной, региональной и просто территориальной общностей. Те, кто предлагал рассматривать местное самоуправление как «клетку», из которой можно «вырастить» «социалистическую альтернативу существующей системе», видели и возможность ее перерастания в альтернативу «капиталистической глобализации». Естественно, что коммунисты, придерживающиеся подобной концепции, легко находили общий язык с различными группами антиглобалистов. Коммунисты, которые точкой отсчета «степени революционности» рассматривали признание приоритетности в политической стратегии новой идентификации людей (национальной, религиоз-

ной, территориальной, возрастной и т. д.), взаимодействовали с левыми национальными или региональными партиями, с гражданскими ассоциациями и занимались, часто с большим успехом, «малыми делами» – решением частных конкретных задач.

Но в партийной жизни, как правило, каждый отстаивал свою правоту с жесткой категоричностью ортодоксов, пренебрегая принципом идеологического плюрализма, положенным еще еврокоммунистами в основу внутривнутрипартийных отношений. В таких условиях КПИ, особенно ее местные организации, не могла определить ни собственной, особой политической линии, ни придерживаться общих установок, принятых руководящими органами.

Неудивительно, что очень слабое развитие в КПИ получило социально-экономическое направление. Научно обоснованной экономической или социальной альтернативы политике, осуществляемой испанскими социалистами, в партии так и не было создано. Правда, в партии появились сторонники концепции «Базовой ренты» (*renta básica*) – принципиально новой системы перераспределения доходов (и новых механизмов такого распределения). Но в основном большинство ленинцев придерживалось марксистской политэкономии в ее самом вульгаризированном выражении.

После резкого падения числа членов КПИ и сужения круга ее избирателей она пошла на образование в 1986 г. ОЛ (блока «Объединение левых»), что было со стороны партии вполне логичным шагом. Потеря избирательной привлекательности КПИ не означала исчезновения левого политического спектра на политической сцене Испании. Появилось несколько групп и даже мелких партий «испанского социализма», созданных левыми социалистами, покинувшими ИСПИ, недовольных ее сдвигом к центру. Кроме того, за годы демократии, особенно в связи с бурной деятельностью законодательных институтов, проводимой децентрализацией и модернизацией, получили развитие и значительный политический вес многочисленные гражданские и социальные, в том числе протестные движения. То, что ранее коммунисты считали «народом», «массами», превращалось на их глазах не всегда в структурированную, с их точки зрения, но уже со сформулированными запросами и требованиями сеть организаций и общностей, самоуправляющихся и независимых, живущих и действующих в рамках своих собственных установок.

Опыт попыток революционных преобразований недавнего прошлого – Чили (начало 70-х гг.) и Португалии (середины 70-х гг.) показал, что гражданские структуры по определению не могут быть «охвачены» не только идеями антикапиталистической борьбы, но и общими «левыми» идеями.³

Один из вариантов дальнейшего развития испанской компартии связывает само ее существование с созданием сильной Европейской партии левых, т. е. переносом решения всех проблем на европейское пространство. Пока это место относительно свободно, но на него пре-

³ Данилевич И.В. *Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии. (Чили, Португалия, Испания).* М., 1996.

тендуют популисты, расисты, ксенофобы. Такой проект не тождествен антиглобалистскому движению, но рожден более широким протестным движением. Но найти к нему пути не может пока ни одна из традиционных левых партий, ищущих новый имидж, — ни социал-демократы, ни коммунисты.

О.И.Величко
АВСТРИЯ

Для «левого центра» в Австрии традиционно характерно внимание к разработке политической теории. Основы и главные направления развития австрийской политической мысли сложились на рубеже XIX–XX вв., когда она отчетливо отражала две составляющие австрийской политической жизни, с социал-демократами на «левом» фланге и социальными христианами на «правом». Деление на сторонников тех или других соответствовало социальной структуре общества и получило определение «принадлежности к лагерю». Идеология же характеризовалась как «лагерное мышление», что было особенностью Австрии на протяжении всей первой половины века. Другие политические организации и идеологии, возникая время от времени, не имели серьезного влияния или довольно скоро вовсе исчезали с политической сцены. Политическую культуру страны определял этот своеобразный дуализм, его влияние ощущается до сих пор.

«Левыми» в австрийской политике были и остаются социал-демократы. Коммунисты с их призывом к немедленному установлению диктатуры пролетариата «по русскому образцу» воспринимались как крайние радикалы.

Австрийские социал-демократы составляли левый фланг и в общеевропейском социалистическом движении, где внесли большой вклад в развитие марксизма. «Австромарксизм» стал новой вехой этого развития. Его теоретики не только исходили из традиционных постулатов марксизма (обобществление производства, переход к социализму через диктатуру пролетариата и т. д.), но сумели разработать и новые вопросы общественной жизни, связанные с социалистической экономикой, национальным вопросом и др. Предложенная ими идея «культурно-национальной автономии» (О.Бауэр, К.Реннер) была явно недооценена современниками. В нынешнем мире, динамичное развитие которого бесконечно усложняет «национальный вопрос», все еще нет концепции, ставящей эту проблему во всей ее многогранности. О.Бауэру также принадлежит важная мысль о необходимости предупредить и держать под контролем рост партийной бюрократии, способной привести к пагубным последствиям. Блестящие достижения австрийских гуманитарных наук межвоенного времени в значительной мере определялись работами мыслителей «левого» профиля.

После Второй мировой войны австрийские социал-демократы, при всем критическом восприятии советского опыта «реального социализма», в области теории оставались марксистами. В реальной политике австромарксисты шли на серьезные компромиссы с «правыми», вхо-

дя вместе с ними в коалиционные правительства. Политическая культура страны по-прежнему определялась взаимодействием двух больших партий. Теоретической надстройкой процесса сплочения нации для решения новых экономических и политических задач стала концепция «социального партнерства», в создании которой равно участвовали как «левые», так и «правые» (приверженцы социального учения католической церкви) политики и идеологи. «Социальное партнерство» способствовало некоторому идеологическому сближению больших партий, под знаменем «деидеологизации», но вовсе не устраняло их соперничества.

Успешные социал-демократические правительства в Австрии находились у власти 13 лет, это время получило название «эры Крайско-го». Б.Крайскому принадлежит одно из принятых обществом новых определений: «Социализм есть глубочайшее проникновение демократии во все сферы жизни», кристаллизовавшееся очень скоро в формулу «социальная демократия». Встраивая свою формулу в ряд общепринятых понятий, Крайский настаивает на ее преимуществах: «Социальная демократия как цель общественного развития противоположна идее диктатуры пролетариата, т. е. коммунистической идеологии; с другой стороны, она противостоит консервативным представлениям, согласно которым демократия ограничивается исключительно областью политики. Доктрине перманентной революции я хотел бы противопоставить тезис перманентной демократизации». Определение не содержит характеристики способа хозяйствования, в отличие от дефиниции «социальное рыночное хозяйство», что позволило Б.Крайскому в годы его канцлерства значительно увеличить роль государства в экономике для борьбы с безработицей. Его экономическая политика получила название «австрокейнсианства». В фигуре Крайского, последнего из могикан австромарксизма, проявилось извечное противоречие между теоретическими установками партии на социализм и реальной политикой, диктуемой обстоятельствами. Впрочем, проводимые Крайским реформы в социальной сфере представлялись ему «изменяющими систему». Сделав практический вывод, что «классическая социалистическая позиция более неспособна привлечь большинство», социал-демократия окончательно перешла в начале последней трети XX века на позиции прагматизма.

После положительного результата референдума о вступлении в Европейский Союз и принятия правительственных решений (во властных структурах преобладали социал-демократы под руководством последовательного прагматика Ф.Враницкого) обе большие партии позиционировали себя в качестве «европейских партий».

Другой важнейшей проблемой в связи с глобализацией стала для Австрии, как и для многих европейских стран, массовая иммиграция из стран с другим уровнем развития и непохожим жизненным укладом. Глобализация не стала процессом линейной интеграции, а создала условия для «балканизации», формирования своеобразных «гетто» и пр.

«Левые» некоторое время выступали за ограничительное иммиграционное законодательство, но вскоре пришли к выводу о необходимости собственной большой работы, как обязанности принимающей страны. Серьезным средством достижения взаимопонимания и благотворного взаимодействия различных культур, считает А.Пелинка, хорошо известный, близкий к социал-демократии политолог, – названное им «этническим разоружением», понимание того, что лишь солидарность ведет в будущее. Этнонациональное мышление он считает не только ограниченным, но даже опасным, ссылаясь на печальный пример национал-социализма. Нынешний этнический фундаментализм может быть преодолен, как он считает, на пути создания «гибридных» идентификаций, постоянно рождаемых процессом модернизации, которому сопутствует, среди прочего, все усложняющаяся дифференциация общества. Следствием этого являются идентичности, определяемые различными гранями общественной жизни: субкультурными обстоятельствами, образовательными, генерационными и другими факторами, в которых проявляется многообразие современной социализации.

Труднейшим вопросом для «левых», как и для большей части австрийского общества, стало отношение к либерализму. «Внутренние» побудительные причины для нового обращения к этому вопросу заключаются в неудаче курса «австрокейнсианства», при принятии которого казалось, что найден «австрийский путь» к процветанию. В дискуссии о направлении развития движения в 90-е годы и далее проблема либерализма была представлена во всем объеме. Превращение социал-демократии в «левую народную» партию привело ее в тесное соприкосновение с либеральными ценностями, более того, некоторые из них (достоинство личности, свобода выбора деятельности и т. д.) были усвоены и стали частью социал-демократического идейного достояния. Существуют и «внешние» причины, определяющие пристальный интерес к либерализму: набирающая темпы глобализация проходит под либеральным (неолиберальным) флагом. Социал-демократы, отделившись от проповеди прежних коллективных ценностей и признания особой роли государства в экономике, – что позволило им самокритично оценить «австрокейнсианство», – при всем том решительно отвергают безграничный либерализм. Дискуссия продолжается, но «левые», при всех тревожных проявлениях глобализации, воспринимаемой как неизбежность, уповают на создание «основ глобальной солидарности, возможностей диалога, превосходящего национальные и социальные границы», на «формирование представления об общей ответственности людей за судьбу планеты».

Австрийские «левые», занятые обсуждением и разработкой перспектив общественного развития, не предлагают концепций, которые можно назвать «альтернативными». Возможно, что при накоплении негативных признаков происходящего возникнет «критическая масса», позволяющая сделать шаг к позитивному конструированию.

М. Е. Орлова
ИРЛАНДИЯ

Чтобы правильно оценить специфику левых ценностей, утверждающихся ныне в Ирландии, необходимо ясно представить себе историю их становления.

В прошлом они распространялись и культивировались из двух источников.

Первым было особое течение национально-освободительного движения – левый, или социальный, республиканизм. Выдвинутая им в конце XVIII века национальная идея складывалась под влиянием французского Просвещения и Великой Французской революции. Ее целью было провозглашено «завоевание свободы народом во имя становления ирландской нации – непременно светской, толерантной и милосердной».

Тесная связь ирландского национализма с социальными движениями (прежде всего с борьбой за землю против английского лендлордизма в конце XVIII – начале XX вв.) способствовала сближению стремлений к национальному и социальному освобождению. Потребность в радикальном изменении социально-экономических устоев накладывала отпечаток на получившие широкую поддержку проекты национального освобождения. Аппелируя к внеклассовой, всенародной общности, авторы этих проектов отстаивали политику, содержащую и некоторые социальные реформы, отвечающие интересам наиболее угнетаемой части общества. По их мнению, именно в нерешенности национальных задач (сначала освобождения от Великобритании, а затем преодоления раскола страны) «коренятся главные причины эмиграции, нищеты и всех политических неурядищ». Поэтому освобождение от национальной зависимости воспринималось массовым сознанием как реальная альтернатива обществу социального неравноправия и угнетения.

Другим источником, питавшим левые силы в Ирландии, было влияние марксизма, а затем международной социал-демократии и английского лейборизма. Первоначально силы, находившиеся под этим влиянием, апеллировали не ко всей нации, а к рабочему классу. Но уже в первом десятилетии XX в. провозвестники социалистического выбора соединили свои установки с национальной идеей. Так, идеолог ирландского социализма и будущий национальный герой Дж. Коннолли исходил из того, что «в процессе развития цивилизации борьба за национальное освобождение любой угнетенной нации должна неизбежно сочетаться с борьбой за свободу наиболее угнетенного класса этой нации». В основе этой позиции с самого начала лежала ориентация на создание в Ирландии общества нового типа – Рабочей Республики.

В годы борьбы за независимость пропаганда социалистических идей, как и попытки институционализации на их основе левых сил, не принесли ожидаемого успеха. Это было предопределено не только политической монополией национализма, но и особенностями социально-экономического развития страны. Поздняя индустриализация и аграрные реформы начала XX в. не создали социальной базы социал-

демократии. Существенную роль в снижении восприимчивости ирландского общества к идеям социального переустройства сыграла эмиграция, канализировавшая «вовне» как социальное недовольство, так и политическую активность ирландцев. В этом же направлении действовала и сохранявшаяся до 60-х годов жесткая изоляция страны, ее оторванность от реалий современного социально-экономического и культурного развития.

Образование независимого государства в 1921 г. не изменило базиса, на котором формировалась и сохранялась господствующая в обществе идеология. Раскол страны не элиминировал доминирующего положения национальной идеи. Неизменной оставалась и ирландская политическая культура, интерпретировавшая смысл политики так же, как и столетия назад. Она по-прежнему исходила из примата этнического и религиозного (католического) единства общества, рассматривая сплоченность и целостность нации как неотъемлемый признак своего рода «культурной общины».

Инерция политических и идеологических представлений определяла черты массового сознания ирландцев и в первой половине XX в. Благодаря ей не возникло корреляции политических взглядов и социальной принадлежности, не был преодолен разрыв между установленным социологами массовым одобрением левых идей и реализацией партийных предпочтений на выборах. Под ее влиянием сохранились такие стереотипы электорального поведения, как привычка к политическим предпочтениям, заимствованным у старых поколений («наследственному голосованию»), персоналистский характер выбора (когда голосуют не «за политику», а «за человека») и т. п.

Перемены в социально-экономических структурах, происходившие в ходе исторического развития, в то время мало отразились на сложившейся ситуации. В Ирландии, как и прежде, фактически не возникло условий, необходимых для тех проявлений социально-классовой солидарности, которые обеспечили успех социал-демократии в других странах. Левым идеям и левой политике снова предстояло искать формы существования на политическом поле национализма. Любая политическая партия, поставившая целью коренные общественные преобразования в интересах наименее обеспеченных слоев общества, постепенно утрачивала альтернативность, устремленность к созданию иного, более справедливого общественного устройства. Примером этого может послужить прежняя эволюция ирландских лейбористов, которым пришлось провозгласить себя «партией для всех» и согласиться на роль «младшего партнера» либералов, чтобы, участвуя в принятии управленческих решений, добиться наиболее необходимых социальных реформ. При этом вплоть до 60-х гг. лейбористам при выработке программных документов приходилось сверять свои ссылки на желательность Рабочей республики и социальной справедливости с решениями Соборов католической церкви.

В сложившихся условиях идея социальной защиты и перераспределения ресурсов в пользу социально ущемленных слоев населения оказалась на вооружении либерально-республиканской партии Фианна Фойл, игравшей более полувека роль «партии власти». Не предлагая сколько-нибудь серьезной альтернативы общественному устройству, она включала в свои программные документы некоторые меры по индустриализации, перераспределению общественного продукта, стимулированию занятости и регулированию цен в интересах фермерства. Это обеспечило ей поддержку широких кругов фермерства, рабочего класса и средних слоев, которые позитивно оценили не только то, что Фианна Фойл с 1921 г. решительно выступала против раскола страны, но и социальную составляющую ее политики, «пакет левых идей», с одной стороны, унаследованных у левореспубликанских идеологов, а с другой, «украденных», по утверждению ирландских лейбористов, у их партии.

Модернизация страны, начавшаяся в 60-е годы и связанная с коренным изменением политического и экономического курса, обусловленным подготовкой к участию в европейской интеграции, привела к серьезной трансформации ирландского национализма. Демифологизация его идеологии и увязка национальной идеи с экономической эффективностью выдвинули в центр общественно-политических дебатов реальные проблемы будущего развития. Национальный вопрос стал терять актуальность, что, в свою очередь, повлекло за собой смену приоритетов и общую перестройку общественного сознания. Новая ситуация, сопровождавшаяся массовыми выступлениями, проходившими под лозунгами скорейшего решения социальных проблем, привела к заметному оживлению левых организаций. Подверглась реструктуризации Ирландская Рабочая Лига, возникла Коммунистическая партия Ирландии. Произошло обновление Лейбористской партии. Она вновь заявила о себе как о социалистической организации, ставящей своей целью объединение всех левых сил. В 1967 г. партия вступила в Соц-интерн.

Правда, на электоральных позициях партии происходившее оживление практически не сказалось. В 70–90-е гг. лейбористам не удалось реализовать свое намерение «предложить обществу истинную политическую альтернативу». Их реальное политическое влияние не позволило им осуществить реформы, способные «превратить Ирландию в современное общество, основанное на социальной справедливости».

С каким же багажом встретили ирландские левые новый век?

Глубокие идейные трансформации, происходящие в мире, сказались и на ирландской общественной жизни. В составе объединенной Европы будущее страны как бы «оторвалось» от националистического контекста, оказавшись выведенным на европейский уровень. Произошедшее в 1998 году урегулирование кризиса в Ольстере сняло с повестки дня старую национальную идею создания единой независимой Ир-

ландии. Вместе с тем левые силы оказались вовлеченными в процесс построения новой Европы, нового общества, которое, как казалось, по крайней мере в 2002 году, ирландским лейбористам, будет руководствоваться «принципами справедливости и равенства».

Стремясь ответить на вызовы глобализации, они, вслед за социал-демократическими партиями других европейских стран, вновь переосмысливают свое «политическое и идейное снаряжение» в поисках ответа на вопрос: «как совместить социал-демократические ценности с реалиями нового мира?» Главное направление их поиска – «меры демократического контроля, без которого глобализирующийся капитализм обладает огромным разрушительным потенциалом для экономики и для социальных прав человека».

Важную трансформацию прорабатывают и традиционные течения национально-освободительного движения. Некоторые республиканские организации, убедившись, что поставленные ими задачи уже выполнены или «отменены» глобализационными процессами, берут на вооружение левые идеи и ценности. Весьма показательным в этом смысле стремительное преобразование радикального республиканского течения – «политического крыла» Ирландской Республиканской Армии. Из его рядов вышла Рабочая партия Ирландии, которая, выступая в качестве социалистической партии, предложила свой план решения социальных проблем. Другим образованием, вышедшим из этого течения, стала партия Шин Фейн. Она также выступила с программой, связывавшей будущее Ирландии с социальными преобразованиями.

В программных установках партий левого крыла (наиболее разработанными из них остаются лейбористские программы), в отличие от предшествующих десятилетий, нет ссылок ни на решения Соборов католической церкви, ни на папские энциклики, ни даже на христианский социализм. Воспринимая идеи современных идеологов социал-демократии, ирландские левые вместе с тем вновь обращаются к национальным истокам, в том числе к взглядам Дж.Коннолли, естественно, подчеркивая при этом, что новизна и острота сегодняшних проблем требуют новых решений, которых не найти у ирландских социалистов прошлого.

Все большую актуальность приобретают в левой среде современной Ирландии лозунги «иноглобализма». При этом поиск левой альтернативы нынешней глобализации как бы сочетается, с одной стороны, с творческой трактовкой политического и идейного наследия прежних ирландских левых партий, а с другой, с установками международного движения антиглобалистов. Отсюда нацеленность многих ирландских левых на защиту национального государства, национальной идентичности и культуры от унификационного давления стран-лидеров глобализации, возродившийся интерес к традиционным ценностям, к воссозданию привычного политического контекста. В это русло частично канализируются энергия и протестный потенциал недовольства издержками глобализации.

И.С.Яжборовская
ПОЛЬША

Центрально-Восточная Европа – регион с особым опытом. В течение более чем сорокалетия она проверяла практикой социальных преобразований и строительства «реального социализма» положенные в их основу левые идеологические концепции.

Утвердившаяся в регионе модель общественного развития к началу 90-х гг. XX века исчерпала свои возможности. Проступили контуры возможного изменения пути развития – «исторического зигзага». Вызрели объективные предпосылки структурной трансформации, потребности в демократизации политической системы и возврате к частной собственности и рыночной экономике.

Страны региона отвергли «реальный социализм» и выбрали альтернативный путь развития. Согласно исходным идейным установкам левых сил, им предстояло конструировать на постсоциалистической основе социальную рыночную экономику, сочетать экономические цели приватизации с ее общественными целями (прямым и косвенным доступом общества к приватизированному имуществу, с ускорением экономического роста и сбалансированным распределением национального дохода), учитывать стремление к социальной справедливости и общественной солидарности, к повышенной ответственности всего общества, а также государства, за помощь нуждающейся части населения и т. д.

Изначальное движение политического маятника вправо привело к утверждению в регионе неолиберальной модели преобразований, разрушительные последствия чего полностью проявились в течение полутора десятилетий. Смена власти сопровождалась ликвидацией модели «партии-государства», внедрением многопартийной системы и парламентской демократии, обновлением законодательства, утверждением верховенства закона, укреплением институциональных рамок демократии.

Однако ожидания от «возвращения в демократическую Европу» быстрого избавления от негативов прежнего строя оказались завышенными, развал структур управления – чрезмерно разрушительным, спад экономики – более глубоким, рецессия переходного периода – значительно более долговременной, продолжавшейся в ряде государств все 90-е гг. и перешедшей в глубокую трансформационную депрессию. Эта депрессия снизила уровень ВВП всего европейского постсоциалистического региона на 30% по сравнению с кризисным 1989 г.⁴

Социальная цена «зигзага» (снижение производства и спроса, падение заработной платы и жизненного уровня, уменьшение и качественное ухудшение социального обеспечения, инфляция и хроническая безработица, уменьшение возможностей медицинского обслуживания и образования) оказалась для большинства населения слишком высока, и не было ясно, как ее минимизировать. Огромные размеры приобрела социальная дифференциация.

В обстановке значительного роста материальных трудностей быстро и резко изменилась структура социальных ценностей, потерявшая

⁴ Калодко Г.В. Проблемы глобализации и перспектив развития постсоциалистических стран // Реформы переходного периода. М., 2005. С. 172, 176.

значительную часть идеологического содержания. В разных странах региона на первый план выдвинулся свой специфический набор краткосрочных экономических ценностей. Они стали основой требований социальной защиты в духе эгалитаризма. Большинство граждан стало уповать на государство, которое бы прикрыло их, подобно зонту, от хищного рынка, обеспечивающего цели меньшинства при помощи нравственно сомнительных и социально недопустимых средств. От государства по-прежнему ждали распределительного равенства, льгот и привилегий. Не оправдавшиеся надежды на «социализм с человеческим лицом» оказались вытесненными утопическими мечтами о «человеческом лице капитализма».

В ходе трансформации предпочтение отдавалось экономическому содержанию преобразований. При этом их социальная, политическая и этическая составляющие оказались оттесненными на задний план. Демократические ценности оценивались сугубо прагматически, сквозь призму их способности (или неспособности) обеспечить материальное благополучие. Это нанесло существенный урон развитию общества и государства.

Оценивая общие результаты трансформации, которой подверглись рассматриваемые страны, есть основания говорить лишь о прохождении ими точки бифуркации, об отказе от прежних магистралей развития и открытии новых возможностей, о поливариантности перспектив.

Такой была ситуация, в которой должны были заново определить себя левые силы. Перед ними встала задача основательного, диктуемого новыми реалиями переосмысления идейно-теоретического багажа. Ее решение предполагало последовательное освобождение от идеологического балласта, проверку достаточно эклектичных постидеологических установок практикой нового исторического периода, отказ от некритического клиширования установок Социнтерна.

Как в этой ситуации вели себя левые в Польше?

Как и в других странах Центрально-Восточной Европы, произошедшие многоплановые преобразования привели в ней к переструктуровке политического поля. Остатки коммунистических образований как организации с тоталитарной идеологией были законодательно запрещены. Реформаторский посткоммунистический Союз демократических левых сил (СДЛС) – основная левая политическая сила 90-х годов – пошел по пути социал-демократизации. Это предполагало, в частности, поддержку демократизации политической системы и строительства рыночной экономики. Дважды побывав у власти, СДЛС успешно решал разноплановые задачи и в ряде случаев добивался общественной поддержки. Вместе с тем каждый раз, оказавшись у власти, он вставал перед необходимостью считаться с объективно обусловленным зигзагом общественного развития, реализуя процесс перехода к рынку и сужая обещанные «левые» корректуры. Другими словами, получив рычаги власти, он смешался далеко вправо.

Вынужденная необходимость участвовать в строительстве и укреплении капитализма вносила существенные коррективы в идейно-программные установки. Из основополагающих программных документов исчезло даже абстрактное упоминание о социализме. Заметно менялись и практические ориентиры. Получилось так, что левые оказались не в состоянии последовательно защищать интересы даже собственного электората.

Эту ситуацию хорошо иллюстрирует понимание задач, стоящих перед правительством СДЛС, его главой Л.Миллером в сентябре 2003 г.: необходимо поддерживать и развивать предпринимательство и свободный рынок, ибо только таким образом можно обеспечить средства для реализации левой социальной программы; эта политика должна носить либеральный характер, так как рынок проявляет свои возможности в условиях экономической свободы. Пока же необходимо избежать навязывания рынку социальных задач.

Иными словами, речь шла о смене прежних установок партии на новые, мало отличавшиеся от радикально-либеральных. При этом в качестве ориентира брался уже не столько «капитализм с человеческим лицом» сколько бюрократический, аппаратный, коррупционный капитализм. Неудивительно, что движение в сторону этого ориентира повлекло за собой политическую катастрофу.

Многие члены Союза были полны решимости сохранить идейные ценности. В СДЛС назрел раскол. Его способность контролировать левый сегмент политической сцены существенно ослабла. В результате смены руководства у руля Союза оказались молодые левые активисты. Его новый председатель В.Олейничак и генеральный секретарь Я.Наперальский декларировали возврат СДЛС к левым ценностям. «Или Союз будет левым, или он рано или поздно исчезнет с политической сцены» – заявил в печати В. Олейничак, высказавшись за то, чтобы СДЛС «сформулировал ясную альтернативу»⁵.

Новая программа партии содержит извинение за действия тех лидеров, которые «нарушили левые идеалы и принципы», «не полностью реализовали программу» и «должны были нас оставить». Программа декларирует приверженность Союза европейским демократическим и социальным стандартам и ориентирует своих сторонников на самоуправляющееся гражданское общество, правовое государство общественную справедливость и социальную рыночную экономику, отвергая «неолиберальную модель государства и экономики»⁶.

На этом, однако, кризис Союза не завершился. В 2004 г. из рядов СДЛС выделилась левая партия, назвавшая себя Польской социал-демократией (ПСД). Один из ее лидеров А.Целиньский заявил, что нельзя быть либералом в экономике и социал-демократом в политике.

ПСД выступила за интенсивное продолжение демократизации государства, за противодействие его чрезмерной «партизации», бюрократизации и засилию клик, за совершенствование правопорядка, ликвидацию коррупции, последовательное соблюдение принципа равенства и

⁵ Olejniczak W. *SDL sie zmienia* // *www.gazeta.pl*. 23.09.2005.

⁶ Program «Sprawiedliwosc Spoleczna I Praca – Deklaracja Wyborcza SLD w wyborach 2005 r. // *www.sld.org.pl*.

гражданских свобод, за широкий диапазон социальных прав трудящихся, способных сбалансировать последствия глобализации⁷.

Появились и некоторые другие, небольшие политические образования, сконцентрировавшие свои усилия главным образом на научной разработке идейно-теоретических основ левого движения.

В рамках марксистской традиции продолжают действовать вытесненный из «Солидарности» «Союз труда» и не допущенная в это движение Польская социалистическая партия. Некоторое время они блокировались с СДЛС в качестве небольшого леворадикального крыла. Теперь их теоретики, особо не претендуя на политическое влияние, пытаются теоретически осмысливать сложившуюся ситуацию и ее перспективы.

На левом фланге действуют и другие мелкие группы, например, Федерация молодых социал-демократов, выступающая за культурно-идеологическое очищение ценностных установок социал-демократии⁸.

Выборы, состоявшиеся в 2005 году, продемонстрировали существенный сдвиг польского общества далеко вправо. Тем не менее, как свидетельствуют социологические опросы, верность левым ценностям сохраняют до 30% населения. Вместе с тем рейтинги всех левых и левоцентристских партий и организаций составляют в сумме едва 15%⁹. Иными словами, традиционный левый электорат еще относительно силен, но разочарован и дезориентирован. В нем сильны многие прежние ожидания в том, что касается социальной политики и перераспределения доходов за счет пересмотра результатов «воровской приватизации собственности», сохранения и увеличения бюджетной поддержки здравоохранения, культуры, спорта, социальной помощи пенсионерам и т. п. Однако эти ожидания, не нашедшие реализации в годы у власти левоцентристов, эффективно перехватывают ныне правые. По данным польского Центра исследования общественного мнения, большинство населения, в том числе немалая часть традиционно голосовавших за левых, видят своих социальных защитников на правом фланге.

Не менее сложные процессы наблюдаются и в других странах Центрально-Восточной Европы. И почти всюду, как отмечает известный теоретик общественной мысли профессор Е.Шацкий, левые переживают глубокий кризис. Многие левые партии именуются левыми скорее по привычке. «То, что в левой мысли представляет интерес, состоит в поисках чего-то совсем иного, чем то, что, как правило, представляют собой левые партии»¹⁰.

Насколько эта ситуация устойчивая, как будут вестись новые поиски, к каким результатам они приведут, покажет будущее.

⁷ PAP. 15.03.2005 // *onet.pl.*; Borowski M. Program nowej lewicy – najważniejsza kwestie. *www.gazeta.pl.* 23.09.2005.

⁸ Skrzypek A. Lewica na rozdru // *Dzis.* 2004. № 12.

⁹ См.: Grabowska M. Podzial postkomunistyczny. Społeczne podstawy polityki w Polsce po 1989 roku. *W-wa.* 2004.

¹⁰ Szacki J. Bezwytyd politykow // *www.gazeta.pl.* 23.09.2005.